

САВАН ТИШИНЫ

КОНЮШЕНКО ЕГОР

Егор Конюшенко

Саван Тишины

«Автор»

2026

Конюшенко Е.

Саван Тишины / Е. Конюшенко — «Автор», 2026

Группа учёных прибывает в забытый прибрежный посёлок Иерихон-Бэй, чтобы исследовать аномальную акустическую зону — место, где, согласно приборам, фоновый шум опускается почти до абсолютного нуля. Но чем глубже они погружаются в изучение этой мёртвой тишины, тем яснее понимают: она не пуста. Старый смотритель маяка предупреждает их, что тишина слушает, а под землёй, в каменной пещере, спит нечто древнее, что пробуждается от человеческого шума. Что, если тишина — это не отсутствие звука, а присутствие чего-то, что не терпит ни единого звука?

© Конюшенко Е., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Аномалия Кроу	5
Глава 2. Шепот под камнем	10
Глава 3. Хранители шума	17
Конец ознакомительного фрагмента.	21

Егор Конюшенко Саван Тишины

Глава 1. Аномалия Кроу

Мне редко приходилось видеть небо столь безжизненного оттенка. Оно нависало над полуостровом не свинцовой тяжестью грозовых туч, а именно что пустотой — ровной, белёсой пеленой, сквозь которую солнце просачивалось не светом, а какой-то утомлённой, разлитой повсюду бледностью. Я стоял у края скалистого обрыва, вглядываясь в очертания Иерихон-Бэй, и впервые за двадцать лет научной практики ощутил не просто профессиональное любопытство, а нечто, чему я пока отказывался давать определение. Леонард Уинслоу, мой аспирант, возился с кофрами аппаратуры позади, и его движения сопровождались привычным металлическим лязгом — звуком, который здесь, на этом пустынном берегу, казался до неприличия громким.

— Профессор, вы уверены, что мы не ошиблись поворотом? — крикнул он, не оборачиваясь. — Такое чувство, что мы на краю света. Последний указатель я видел миль десять назад, и тот ржавый, как якорь утопленника.

— Не ошиблись, — отозвался я. — Именно здесь спутниковая съёмка зафиксировала акустическую тень. Самую глубокую из когда-либо зарегистрированных. Если данные не врут, это место тише, чем межзвёздное пространство.

— А если врут? — Он выпрямился и поправил очки. — Военные, они же любят преувеличивать. Помните ту историю с «инфразвуковым оружием русских»? Три месяца мы гонялись за миражом по Аляске, а оказалось — киты.

— Помню, — кивнул я. — Но в этот раз всё иначе. У меня есть допуск к сырым данным. Они не похожи на помехи.

Леонард хмыкнул и вернулся к кофрам. Я же продолжал вглядываться в посёлок, который лежал внизу, в бухте. Мы прибыли сюда по контракту с военно-морским ведомством, которое интересовалось природными звуковыми камуфляжами, и грант был щедрым — слишком щедрым, чтобы отказываться, особенно в моём положении. После гибели Дженни и Эмили я

брался за любую работу, которая позволяла не сидеть в пустом доме. Полевые исследования стали моим убежищем, а Леонард — единственным человеком, с кем я мог выносить долгое молчание, потому что он умел заполнять его технической болтовнёй.

Посёлок открылся нашему взгляду внезапно, когда мы миновали последний поворот разбитой дороги, петлявшей среди вековых сосен. Иерихон-Бэй не производил впечатления мёртвого места — скорее, он казался местом, которое забыло, что значит быть живым. Два десятка домов жались друг к другу вдоль единственной улицы, спускавшейся к морю; их крыши просели, а стены, посеревшие от соли и времени, напоминали кожу тяжелобольного. Ни одна труба не дымила. Ни одна собака не выскочила навстречу нашей машине. Пока мы парковались у покосившейся пристани, до меня дошло, что я не слышу даже криков чаек, хотя птицы — я видел их — сидели на сваях, беззвучно разевая клювы.

— Тут и правда как-то... глухо, профессор, — произнёс Леонард, озираясь. — Может, геология виновата? Скалы гасят отражённый звук?

— Возможно, — отозвался я, хотя внутренне уже отметил, что «глухо» — неверное слово. В акустической физике есть термин «мёртвая комната», обозначающий пространство, где реверберация сведена к нулю. Но даже в лучших безэховых камерах мира вы всё равно слышите собственное дыхание, ток крови в висках, тихий гул собственной нервной системы. Здесь же тишина была иной — она не обволакивала, а словно бы присутствовала, как некий газ без запаха и цвета, заполняющий лёгкие вместо воздуха.

Пока мы разгружали фургон, из одного из домов, стоявшего поодаль, вышла старуха в сером платье. Она не приблизилась, просто остановилась на крыльце и смотрела на нас. Я помахал ей рукой — она не ответила. Тогда я направился к ней, но старуха развернулась и скрылась в тёмном проёме двери, не проронив ни звука.

— Дружелюбные тут люди, — прокомментировал Леонард, стаскивая с кузова треногу. — Может, нам стоило взять с собой кого-нибудь из местных властей? Шерифа или типа того.

— Здесь нет шерифа, — сказал я, сверившись с картой. — Ближайший полицейский участок в сорока милях. Иерихон-Бэй формально считается нежилым. Но, как видите, кое-кто ещё остался.

— Отшельники?

— Возможно. Или те, кому некуда идти.

Мы потратили около часа на разгрузку оборудования. Мобильная лаборатория, собранная на средства гранта Массачусетского технологического и щедрые субсидии военных, представляла собой комплект из шести сверхчувствительных микрофонов-инфразвуковиков, способных регистрировать колебания в диапазоне от нуля целых одной десятой герца, а также портативный спектроанализатор последней модели. Пока Леонард монтировал треноги, я медленно прошёлся вдоль причала, прислушиваясь к собственным шагам. Мои ботинки стучали по деревянному настилу, но стук этот затухал неестественно быстро, словно доски под ногами были не деревом, а пористым материалом, поглощавшим любую вибрацию.

Именно в этот момент я впервые увидел смотрителя маяка.

Он появился не со стороны домов, а откуда-то сбоку, из-за груды разошедшихся рыбацких лодок, вытасненных на берег. Высокий, сутулый старик в брезентовом плаще, с лицом, напоминавшим старую морёную древесину, он стоял неподвижно и смотрел на нас с выражением, которое я поначалу принял за туповатое безразличие. Длинная, спутанная борода его была перехвачена кожаным ремешком, а в седых волосах, свисавших на плечи, блестели вплетённые рыболовные крючки — крошечные, тусклые, позвякивавшие при каждом его движении.

— Вы эти, из Бостона, что ли? — голос его оказался неожиданно низким и скрипучим, как несмазанная дверь. — Которые тишину мерить приехали.

Я представился и протянул было руку, но старик проигнорировал мой жест. Вблизи его глаза поражали контрастом с общей дряхлостью облика — они были светлыми, почти бесцвет-

ными, но при этом невероятно живыми, цепкими, и в них читалась не старческая мудрость, а нечто гораздо более древнее и опасное.

— Сайлас Марш, — буркнул он. — Смотритель. Маяк держу. А вы, профессор, зря приехали.

— Почему же?

— Потому что тишина здесь не пустая. Она слушает.

Я вежливо улыбнулся, списав его слова на провинциальное суеверие, столь частое в изолированных прибрежных общинах Новой Англии. За два десятилетия работы мне доводилось сталкиваться с самыми причудливыми предрассудками местных жителей, от веры в «стонущие болота» до страха перед «звуковыми призраками», и я давно выработал снисходительно-нейтральную реакцию на подобные заявления.

— Мы всего лишь проведём акустическую разведку, мистер Марш. Неделя, максимум две. Затем оставим вас в покое.

Марш ничего не ответил, но его тонкие, потрескавшиеся губы искривились в усмешке, которую я не сумел интерпретировать.

— Много вас тут таких было, — проговорил он наконец, глядя куда-то мимо меня, на море. — Геологи, военные, какие-то ребята из университета в Провиденсе. Все приезжали мерить. Только отчётов их никто не читал — потому что писать их было некому.

— Что вы имеете в виду?

— А то и имею. — Он развернулся и зашагал прочь, к тропе, ведущей на маяк, и ещё долго я слышал позвякивание крючков в его волосах — единственный металлический звук, который местная тишина, казалось, не решалась поглотить.

Когда я вернулся к Леонарду, тот уже закончил калибровку первого микрофона и теперь сидел перед ноутбуком, хмурия лоб.

— Профессор, взгляните. Фоновый шум — минус двадцать три децибела. Это... этого просто не может быть. Даже в пустыне Сахара, ночью, при полном безветрии, фоновый шум редко опускается ниже десяти децибел. А тут — минус двадцать три. Как в открытом космосе, честное слово.

Я склонился над экраном, и моё сердце пропустило удар — профессиональный рефлекс, сродни тому, что испытывает охотник, увидев редкую дичь. Осциллограмма показывала почти идеально ровную линию, без единого всплеска. Ни ветра, ни далёкого прибоя, ни даже сейсмического шума земной коры — а ведь наши датчики были настроены улавливать и его. Словно весь полуостров накрыли гигантским звукопоглощающим куполом.

— Это невозможно, — пробормотал я, хотя сам себе не верил. — Проверьте калибровку. Смените предохранители.

— Уже проверял. — Леонард снял очки и принялся протирать их краем рубашки — нервный жест, который выдавал его волнение. — Трижды. Приборы в порядке. Дело не в них. Дело в этом месте.

Мы работали до сумерек, расставляя микрофоны по периметру посёлка. В одном из дворов я наткнулся на старую детскую коляску, опрокинутую и заржавевшую; в другом — на сломанный радиоприёмник, чьи внутренности были покрыты тонким слоем всё того же чёрного налёта, который я позже научусь узнавать. Леонард оживлённо теоретизировал о неизвестных науке геологических формациях, о залежах какого-нибудь пористого минерала, создающих эффект «акустической тени», и его энтузиазм был заразителен. Я и сам, признаться, уже предвкушал публикацию в «Journal of the Acoustical Society of America». Мысли о Сайласе Марше и его странном предупреждении отошли на задний план, вытесненные холодной логикой измерений и графиков.

— Если эта аномалия имеет природное происхождение, — говорил Леонард, прилаживая последний микрофон на старой водонапорной башне, — то мы стоим на пороге открытия,

которое перевернёт всю акустику. Представьте: материал, поглощающий звук почти полностью. Военные за такое душу продадут.

— Военные за многое душу продадут, — отозвался я. — Но меня больше интересует, почему аномалия локализована именно здесь. Что под этим полуостровом?

— Может, метеорит? — предположил он. — Упал миллион лет назад и создал полость с уникальными резонансными свойствами.

— Может быть. А может, и нет.

Однако с наступлением темноты всё изменилось.

Я сидел в нашем фургоне, переоборудованном под передвижную лабораторию, и вносил последние поправки в калибровочные таблицы, когда на одном из мониторов — том, что был подключён к низкочастотному микрофону, установленному у входа в пещеру на побережье, — проступил сигнал. Поначалу я принял его за помеху или дефект аппаратуры. Это был инфразвук, частота колебалась в районе одной десятой герца, далеко за пределами человеческого слуха. Но проблема заключалась в его ритмичности. Сигнал не был хаотичным. Он пульсировал.

Тук. Пауза. Тук. Пауза. Тук.

Я вызвал Леонарда, и мы вдвоём усталились на осциллограф, где медленно, мучительно медленно, проползали гребни волн. Пауза между ними составляла ровно четыре целых семь десятых секунды.

— Похоже на... — начал Леонард и осёкся.

— На сердцебиение, — закончил я, и мой собственный голос показался мне чужим. — Только в масштабе, увеличенном в сотни раз. Если источник действительно находится под землёй, на глубине, которую мы не можем пока определить, то его размеры должны быть...

Я не договорил. Математика была простой, но вывод, который из неё следовал, не укладывался в рамки биологии, геологии, да и просто здравого смысла.

— Профессор, — тихо произнёс Леонард, и его голос дрогнул, — это не тектоническая активность. Тектонические толчки хаотичны. А этот сигнал — он упорядочен. Как код. Как будто что-то передаёт сообщение.

— Не говорите глупостей.

— Я не говорю глупостей. Я просто смотрю на экран. — Он указал на осциллограф. — Четыре и семь десятых секунды. Это близко к инфразвуковому резонансу человеческого тела. Частота, на которой внутренние органы начинают вибрировать. Если этот сигнал усилить...

— Никто не собирается его усиливать, — резко оборвал я. — Мы здесь наблюдатели, а не экспериментаторы.

Но сам я уже чувствовал, как где-то в груди, под рёбрами, зарождается тупая, ноющая вибрация — словно моё собственное сердце пыталось подстроиться под этот ритм. Я отогнал эту мысль. Переутомление, сказал я себе. Долгая дорога. Слишком много кофе.

Сигнал между тем продолжал поступать — методичный, неумолимый, как удары гигантского метронома, отсчитывающего время, которое, как мне тогда казалось, ещё было на нашей стороне. Леонард молчал, но я видел, как его пальцы нервно выбивают дробь по краю стола — словно он бессознательно пытался заглушить этот ритм своим собственным шумом.

— Я сниму показания за ночь, — сказал я наконец. — А вы идите спать. Утром решим, что делать дальше.

Он не ответил. Он продолжал смотреть на осциллограф, и в его глазах, за толстыми линзами очков, мне почудился отблеск чего-то, чему я тогда не придал значения. Позже, много позже, я пойму, что это было. Первая тень той одержимости, которая в конце концов поглотит его целиком.

За окном фургона неподвижно стояла тишина, и теперь я, кажется, начинал понимать, что имел в виду старый смотритель. Тишина действительно не была пустой. Она слушала. И,

судя по ритмичным толчкам инфразвука, что-то в её глубинах начинало просыпаться. Я лёг на койку, но сон не шёл — всю ночь я ворочался, прислушиваясь не к звукам снаружи, которых не было, а к тому, что творилось внутри меня. И где-то под утро, на грани яви и забытья, я услышал — или мне показалось, что услышал, — как тишина сделала первый, осторожный вдох.

Глава 2. Шепот под камнем

Утренний свет, пробивавшийся сквозь белёсую пелену над Иерихон-Бэй, ничуть не рассеял гнетущего ощущения, поселившегося во мне после ночного открытия. Я провёл несколько часов без сна, перепроверяя данные, исключая возможность аппаратной ошибки, но осциллограф неумолимо фиксировал всё тот же ритмичный инфразвук, доносящийся из-под земли. Источник располагался на глубине, которую наши приборы не могли точно определить, но его примерные координаты указывали на карстовую пещеру в двух милях к востоку от посёлка — ту самую, чей зев чернел на старой топографической карте, найденной мной ещё в Бостоне.

Когда я вышел из фургона, Леонард уже сидел на складном стуле у причала, закутавшись в плед, и сосредоточенно пил растворимый кофе из жестяной кружки. Вид у него был помятый — тёмные круги под глазами выдавали бессонную ночь, — но взгляд оставался ясным и даже, я бы сказал, неестественно оживлённым.

— Вы тоже не спали? — спросил я, наливая себе остатки кофе. Жидкость была едва тёплой и горчила.

— Не мог, профессор. Всё думал об этом сигнале. — Он помешал ложкой в кружке, хотя мешать там было нечего. — Знаете, что самое странное? Когда я закрываю глаза, я всё ещё его слышу. Как будто он застрял в голове.

— Это называется слуховая память, — ответил я, хотя сам уже не был уверен, что дело только в ней. — После долгой работы с низкими частотами такое бывает. Пройдёт.

— Вы правда так думаете? — Он поднял на меня глаза, и в них промелькнуло что-то, чего я раньше не замечал. Не страх. Скорее — сомнение в моих словах, которое было совсем не похоже на обычную почтительность аспиранта перед научным руководителем. — Потому что мне кажется, что этот звук... он не просто запоминается. Он меняет что-то. Внутри.

Я не нашёлся с ответом и вместо этого сменил тему. За завтраком, состоявшим из безвкусного кофе и галет, я связался по радио с доктором Элино́р Вэнс. Мы условились встретиться у входа в пещеру через час, и всё время, пока мы собирали снаряжение, Леонард был непривычно молчалив. Он проверял альпинистское оборудование — карабины, верёвки, каски — с той преувеличенной тщательностью, которая свойственна людям, пытающимся занять руки, чтобы не думать.

Когда мы подошли к старому дому у пристани, где остановилась доктор Вэнс, она уже ждала нас на крыльце — невысокая, жилистая, с коротко стриженными рыжими волосами, в которых серебрилась ранняя седина. На ней был выцветший комбинезон геолога с множеством карманов и тяжёлые ботинки, выдавшие не один десяток экспедиций. Её серые глаза, холодные и цепкие, быстро оглядели нас, задержавшись на лице Леонарда чуть дольше, чем следовало.

— Ваш ассистент плохо выглядит, — заметила она вместо приветствия. Голос у неё был низкий, с хрипотцой, как у человека, который привык перекрикивать ветер и шум буровых установок. — Вы уверены, что он готов к спуску?

— Я в порядке, — отозвался Леонард прежде, чем я успел ответить. В его тоне прозвучала неожиданная резкость. — Просто не выспался.

Элинор прищурилась, но спорить не стала. Она повернулась ко мне.

— Ваши образцы породы, профессор. Я провела предварительный анализ ночью. — Она вытащила из кармана небольшой пластиковый пакет, в котором лежали серые, пористые камни с характерным маслянистым блеском. — Это известняк, но с аномальной пористостью. Такое впечатление, что его структура изменена искусственно — хотя я понятия не имею, каким инструментом можно обработать камень на молекулярном уровне.

— Лазером? — предположил я.

— Лазер оставил бы следы термического воздействия. Здесь их нет. Камень выглядит так, будто его естественная кристаллическая решётка была перестроена изнутри. И вот ещё что. — Она высыпала на ладонь несколько крошечных чёрных крупинок. — Этот минерал не поддаётся идентификации. Я проверила по всем каталогам — ничего подобного. Он не отражает свет. Вообще. Ни одной частицы спектра. Как будто фотоны просто... исчезают при контакте с ним.

Я ощутил неприятный холодок в груди. Свойство не отражать свет — это одно. Но если моя догадка была верна, этот минерал мог не отражать и звук, что делало его материалом, невозможным с точки зрения известной нам физики. Я поделился этой мыслью с Элинор, и она медленно кивнула.

— Я подумала о том же. Поэтому и согласилась на спуск. Здесь происходит что-то, чего наша наука объяснить не может. А я не люблю, когда на моём поле происходят вещи, которых я не понимаю.

Мы выдвинулись к пещере через четверть часа. Тропа петляла между соснами, чьи стволы были искривлены постоянными ветрами, и чем дальше мы уходили от посёлка, тем реже становились деревья и тем больше вокруг появлялось выходов известняка, источенного эрозией. Леонард шагал позади, и я слышал, как он что-то бормочет себе под нос — то ли формулы, то ли молитвы. Элинор, напротив, двигалась молча, с той особой, наработанной годами практики экономией движений, которая выдаёт опытного полевого исследователя.

— Вы давно занимаетесь геологией? — спросил я, просто чтобы нарушить тишину.

— Двадцать два года, — ответила она, не оборачиваясь. — Начинала в Геологической службе США, потом ушла в академическую среду. Скучно стало. В поле интереснее.

— А что привело вас именно в этот проект?

Она помолчала, и я уже решил, что она не ответит.

— Долги, — сказала она наконец. — Гранты. И любопытство. Ваши военные спонсоры платят очень щедро за работу в местах, которые никто не хочет посещать. А я как раз специалист по таким местам.

— По опасным?

— По забытым. — Она бросила короткий взгляд через плечо. — Пещеры, которые не нанесены на карты. Шахты, которые были заброшены сто лет назад. Места, где происходили странные вещи, а потом о них предпочли забыть. Я их нахожу и документирую. Это моя работа.

— И много вы находили таких мест?

— Достаточно, — отрезала она тоном, не предполагавшим продолжения расспросов.

Вход в пещеру открылся нам внезапно. Он напоминал раскрытую пасть — неровная расщелина в скальном основании утёса, футов десяти в ширину, уходящая вниз под углом примерно в сорок градусов. Сталактиты, свисавшие с его верхней кромки, были неестественно гладкими, лишёнными обычных известковых наплывов, и их поверхность тускло поблёскивала в свете наших фонарей тем самым чёрным минералом, о котором говорила Элинон. Я протянул руку и коснулся ближайшего выступа. Камень был холодным — даже не просто холодным, а каким-то противоестественно лишённым тепла, словно он существовал в собственном температурном режиме, не зависящем от окружающей среды.

— Чувствуете? — спросила Элинон, наблюдавшая за мной. — Давление в ушах. Как при взлёте самолёта.

— Да, — подтвердил я. — Барометр падает?

— Не так, как должно. — Она сверилась с прибором на запястье. — Атмосферное давление стабильно. Но что-то давит на барабанные перепонки. Как будто воздух стал плотнее.

— Или звук, — пробормотал Леонард.

— Что?

— Или звук стал плотнее. — Он поправил очки, и его пальцы слегка дрожали. — Инфразвук на определённых частотах может создавать ощущение давления. Если этот сигнал имеет достаточную мощность...

— Тогда нам нужно быть осторожнее, — закончил я. — Элинон, вы поведёте спуск.

Она кивнула и принялась закреплять верёвки. Её руки, испещрённые тонкими белыми шрамами — следами старых порезов о камень, как я догадался, — двигались с точностью хирурга. Карабины щёлкали, верёвки натягивались, и каждый звук здесь, у входа в эту чудовищную глотку, казался преступлением — святотатством, нарушающим какой-то древний, не нами писанный закон.

Первое, что поразило меня внутри — звук. Вернее, его отсутствие. Если на поверхности тишина ощущалась как гнетущий фон, то здесь, под каменным сводом, она стала абсолютной, подавляющей. Я слышал собственное дыхание — но приглушённо, словно через толстый слой ваты. Голос Леонарда, когда он отдавал команды при спуске, звучал плоско и быстро затухал, как будто стены не отражали, а жадно впитывали каждую вибрацию.

— Профессор! — окликнул он меня снизу, и его голос долетел до меня странно искажённым, будто пропущенным через шумоподавляющий фильтр. — Вы слышите? Это эхо... его нет. Вообще нет.

— Знаю, — коротко ответил я, хотя говорить здесь было физически трудно. Каждое слово требовало усилия, словно воздух отказывался проводить звуковые волны.

— Здесь как в могиле, — пробормотала Элинон, и её голос, даже приглушённый, прозвучал резко и неуместно. Она спускалась последней, проверяя каждый шаг, каждый уступ, каждую зацепку с методичностью, которая говорила о многолетнем опыте и, возможно, о скрытой тревоге.

Мы спустились в первый грот — обширную полость, свод которой терялся в темноте за пределами досягаемости наших фонарей. Луч света выхватывал из мрака известковые колонны причудливых, но на первый взгляд природных форм. Однако, присмотревшись, я заметил то, что заставило меня похолодеть: на стенах пещеры, на высоте примерно трёх футов от пола, тянулись длинные, геометрически правильные борозды. Они шли параллельно друг другу, образуя сложный спиральный узор, и были слишком ровными, чтобы быть результатом водной эрозии.

— Это не природа, — сказал я. — Это инструмент. Кто-то вырезал их.

— Очень острым инструментом, — добавила Элино́р, приближаясь. Она провела пальцами по одной из борозд, и по её лицу пробежала тень. — Видите? Никаких следов долбления или шлифовки. Как будто камень просто... раздвинули.

Элино́р подошла ближе и провела пальцами по одной из борозд. Её лицо, освещённое снизу налобным фонарём, приобрело странное выражение — смесь узнавания и глубокого, застарелого ужаса.

— Я видела такие же, — произнесла она тихо, почти шёпотом. — В Карлсбаде. За два часа до обвала.

Я знал о трагедии в пещерах Карлсбада из её досье. Элино́р была единственной выжившей из группы из шести человек, попавших под завал на глубине двухсот футов. Она провела в полной темноте и тишине трое суток, прежде чем её откопали спасатели. Что именно она пережила там — этого она не рассказывала никому, и я не счёл возможным расспрашивать сейчас.

— В Карлсбаде эти символы были на потолке, — продолжила она, и её голос звучал глухо, словно она говорила сама с собой. — Я думала, что это галлюцинация от гипоксии. Но теперь... теперь я не уверена.

— Может, те же геологические процессы? — предположил Леонард, но его голос дрогнул.

— Нет. — Она оторвала взгляд от стены и посмотрела на нас. — Это письменность. Или, может, ритуальные символы. Кто-то вырезал их здесь. Очень, очень давно. И кто-то — или что-то — вырезал их в Карлсбаде, в двух тысячах миль отсюда.

Леонард тем временем продвинулся дальше, в узкий проход, ведущий из грота. Его фонарь мелькал в отдалении, и вдруг я услышал его голос — изменившийся, дрожащий, лишённый обычной самоуверенности:

— Сюда... вам нужно это увидеть. Немедленно.

Мы поспешили за ним. Проход расширился, и вскоре мы оказались в ещё одной полости, меньшей по размерам, но несравнимо более зловещей. Пол здесь был усеян костями. Не хаотично, а выложенными в ту же спиральную фигуру, что и борозды на стенах, — огромную, многолучевую спираль, в центре которой возвышался плоский камень, напоминающий алтарь. Человеческие скелеты перемежались останками морских животных — дельфинов, тюленей и ещё каких-то существ, чьи деформированные, неестественно вытянутые черепа я не сумел опознать.

— Боже мой, — выдохнул Леонард. — Сколько их здесь?

— Десятки, — ответила Элино́р, опускаясь на корточки у края спирали. — Может, сотни. Смотрите, как уложены. Черепа все направлены к центру. Грудные клетки развёрнуты в одну сторону. Это не захоронение. Это... карта. Или антенна.

— Антенна? — переспросил я.

— Да. — Она поднялась и посмотрела на меня, и в её глазах я впервые увидел проблеск страха. — Если этот чёрный минерал поглощает звук, то кости — это проводники. Кость резонирует. Если уложить достаточное количество костей определённым образом, можно создать акустический волновод. Что-то вроде направленной антенны. Которая передаёт сигнал. Или принимает его.

— Или усиливает, — прошептал Леонард.

Свет наших фонарей заметался по стенам. И тогда я увидел, что чёрный минерал здесь покрывал не отдельные участки, а сплошным слоем весь свод пещеры — матовый, абсолютно не отражающий, похожий на застывшую нефть или на самую суть тьмы, обретшую твёрдую форму. Воздух здесь был настолько плотным, что каждый вдох давался с трудом, а уши заложено так, будто я погрузился на дно океана.

— Инфразвук, — прошептал я, сверившись с портативным датчиком, который взял с собой. — Мы прямо над источником. Он бьёт из-под алтаря. Частота — одна десятая герца. Интервал — четыре и семь десятых. Те же параметры, что мы фиксировали ночью.

— Значит, мы на месте, — сказала Элино́р. — Вопрос в том, что именно мы нашли.

И тут Леонард застыл. Его лицо, освещённое лучом моего фонаря, побелело. Очки сползли на кончик носа, но он, казалось, не замечал этого. Губы его беззвучно шевелились, а глаза были устремлены в одну точку — в самый центр спирального узора, туда, где покоился плоский чёрный камень.

— Леонард? — окликнул я его. — Что с вами? Вы меня слышите?

Он не ответил. Вместо этого он медленно поднял руку и прижал палец к губам в универсальном жесте тишины. Его глаза — широко раскрытые, неестественно блестящие — были устремлены на алтарь с выражением, которое я не мог назвать иначе как религиозный экстаз. А затем, всё так же беззвучно, одними губами, он прошептал слова, которые я скорее угадал, чем услышал:

— Оно говорит. Говорит, чтобы я замолчал. Говорит, что наш шум... причиняет ему боль.

— Что за чушь! — Элино́р бросилась к нему, схватила за плечи и встряхнула — сильно, профессионально, как встряхивают человека на грани обморока. — Очнитесь, Уинслоу! Здесь никого нет, кроме нас!

— Вы не слышите, — ответил он, и его голос был тихим, но поразительно спокойным. — А я слышу. Оно прямо под нами. Огромное. Древнее. Оно спит, но наш шум мешает ему. Каждый наш шаг. Каждое слово. Даже мысли. Оно слышит наши мысли.

Я видел, как пальцы Элино́р впились в ткань его куртки, как она пыталась достучаться до его разума, но Леонард не реагировал. Его остекленевшие глаза были полны не ужаса, а какого-то болезненного, экстатического восторга — такого же, какой я видел однажды у пациента психиатрической клиники, утверждавшего, что он слышит голоса ангелов. Тогда, помню, я подумал, что это одно из самых жутких зрелищ, какие мне доводилось видеть: человек, полностью утративший связь с реальностью, но уверенный, что обрёл высшую истину. Теперь это происходило с моим аспирантом.

— Уходим, — резко скомандовала Элино́р. — Сейчас же. Мы не должны здесь находиться. Помогите мне его поднять.

Я уже хотел согласиться, но в этот момент мой датчик издал короткий, приглушённый сигнал. Я бросил взгляд на экран. Инфразвуковой ритм изменился. Он ускорился, стал чаще, и теперь каждая пульсация сопровождалась субгармоническим резонансом, который я физически ощущал как вибрацию в груди, в костях, в самом основании черепа. Словно огромное сердце, бившееся под нами, забилося чаще. Словно оно почувствовало нас.

— Оно просыпается, — произнёс Леонард с той же пугающей, безмятежной улыбкой. — Вы его разбудили.

А затем свет наших фонарей начал меркнуть.

Это происходило не одновременно. Лампы не гасли, как при отказе батарей — их свет становился всё более тусклым, словно тонул в черноте, которая сделалась вдруг осязаемой, вязкой, как смола. Я с ужасом понял, что тьма в пещере больше не была отсутствием света. Она была присутствием чего-то иного — чего-то, что активно поглощало и свет, и звук, и, казалось, саму надежду.

— Фонари! — крикнул я. — Держите фонари выше!

Но даже крик мой прозвучал глухо и плоско, как через подушку. Тьма сгушалась. Она напознала со всех сторон — не равномерно, а толчками, рывками, словно невидимая рука медленно закрывала диафрагму объектива. Я видел, как гаснет луч фонаря Элино́р — не выключается, а именно гаснет, словно его пламя заливают водой. Видел, как мой собственный фонарь, ещё секунду назад светивший ярко, теперь даёт лишь слабое, желтоватое мерцание, едва пробивающееся сквозь сгустившийся мрак.

Элино́р рывком развернула Леонарда к выходу и толкнула его в сторону прохода.

— Двигайтесь, Уинслоу! Шевелитесь, чёрт бы вас побрал!

Он пошёл, но походка его была неестественной — механической, дёрганой, как у марионетки, которую ведёт неумелый кукловод. Один шаг. Застыл. Ещё шаг. Снова застыл. Каждое движение давалось ему с видимым усилием, словно невидимые нити тянули его обратно, к алтарю, к спирали из костей, к сердцу пробуждающейся бездны. Я схватил рюкзак с оборудованием и последовал за ними.

За моей спиной, из глубины спирального узора, начал подниматься звук. Он не был громким — наоборот, он был едва различим, но именно эта почти-неслышимость и делала его невыносимым. Он напоминал шёпот, исходящий одновременно отовсюду и ниоткуда, шёпот, лишённый слов, но полный смысла, который мой разум отказывался расшифровывать. Позже я пытался вспомнить, на что это было похоже, и единственная аналогия, пришедшая мне в голову, была до смешного обыденной: так шумит море в раковине, приложенной к уху, — но усиленное во сто крат и направленное не наружу, а внутрь, в самую сердцевину сознания.

— Не слушайте! — бросила Элино́р, карабка́ясь по осыпающемуся склону. — Что бы вы ни слышали — не слушайте! Оно так действует. Сначала шёпот, потом голос, потом ты сам начинаешь ему подпевать!

— В Карлсбаде? — спросил я, задыхаясь.

— Да! — Она на мгновение обернулась, и её лицо, перепачканное пылью и потом, было лицом человека, который вспоминает то, что поклялся забыть. — Трое суток я слушала этот шёпот. Он обещал мне покой. Обещал, что если я перестану дышать, перестану думать, перестану быть, — всё закончится. Вся боль, весь страх. И я почти... я почти согласилась.

Мы выбрались на поверхность через пятнадцать минут, которые показались мне вечно­стью. Я никогда не забуду тот момент — серый свет утреннего неба, запах морской соли и сос­новой смолы, крик чайки где-то вдалеке (первый настоящий крик птицы за всё время нашего пребывания здесь), — и контраст между этим живым, хоть и скудным миром, и тем, что оста­лось внизу, в каменной утробе. Леонард рухнул на колени у входа в пещеру, и его вырвало. Элино́р стояла, прислонившись спиной к скале, и тяжело дышала. Её лицо, обычно непрони­цаемое, теперь выражало неприкрытый, животный страх.

— Профессор, — произнесла она, когда смогла говорить, и её голос дрожал. — То, что я видела в Карлсбаде... это было то же самое. Те же символы. Тот же... шёпот. Я думала, что сошла с ума. Думала, что это галлюцинации от обезвоживания и гипоксии. Мне даже психиатр так сказал — посттравматический синдром, сенсорная депривация, всё такое. — Она горько усмехнулась. — Четыре года терапии. Четыре года я убеждала себя, что мне всё померещилось. И вот, пожалуйста. — Она замолчала, и её серые глаза встретились с моими. — Это реально. И оно не хочет, чтобы мы здесь были.

Я хотел ответить что-то рациональное, что-то, что вернуло бы нас на твёрдую почву науч­ного мировоззрения. Хотел сказать, что шёпот — это акустическая иллюзия, вызванная инфра­звуковым резонансом в замкнутом пространстве, что символы на стенах могут быть следами неизвестной индейской культуры, что чёрный минерал — это, возможно, редкая аллотропная форма углерода, которую мы просто ещё не успели описать. Все эти объяснения вертелись у меня на языке, готовые сорваться. Но слова застряли в горле. Я мог лишь смотреть на то, как солнце, пробиваясь сквозь вездесущую белесую пелену, освещает мёртвый посёлок внизу, и думать о том, что мы обнаружили не геологическую аномалию, не неизвестный науке минерал и даже не древнее захоронение.

Мы обнаружили нечто, что бодрствовало — или, точнее, дремало чутким, тревожным сном, — ожидая, когда наступит подходящий момент. И этот момент, судя по ускорившемуся ритму инфразвука, мог наступить очень скоро.

Леонард тем временем поднялся на ноги. Он вытер рот рукавом куртки, поправил очки и посмотрел на нас. Его лицо всё ещё было бледным, но на губах играла слабая, рассеянная улыбка — та самая, от которой у меня по спине пробежал холод.

— Оно не злое, — произнёс он тихо, почти мечтательно. — Оно просто... устало. Ему нужна тишина. Полная тишина. Разве вы не понимаете? Мы с нашими голосами, с нашими машинами, с нашими мыслями... мы как комары, жужжащие над ухом спящего великана. Оно просто хочет, чтобы мы замолчали.

— Замолчали, — повторила Элинора, и в её голосе была ледяная ярость. — А эти кости в пещере? Они тоже просто «замолчали»?

Леонард перевёл на неё взгляд — долгий, спокойный, отсутствующий.

— Они были первыми, кто услышал, — сказал он. — Первыми, кто понял. И они добровольно отдали свой шум. Свой голос. Свою жизнь. Чтобы помочь Ему. Чтобы приблизить Тишину.

Элинора переглянулась со мной, и в её взгляде я прочёл то же, что чувствовал сам. Рассудок моего аспиранта, блестящего молодого инженера, только что дал трещину. И что-то подсказывало мне, что это была лишь первая трещина из многих, которые ещё предстояло пережить всем нам.

Когда мы возвращались в посёлок, я оглянулся на пещеру. Её зев всё так же чернел в скале, но теперь мне чудилось, что тьма внутри него слегка колыхнется, как поверхность воды, потревоженная невидимой рукой. Я ничего не сказал своим спутникам. Но в ту ночь, лёжа без сна в душном фургоне под аккомпанемент всё того же ритмичного инфразвука, я впервые за много лет — с тех самых пор, как хоронил жену и дочь, — почувствовал, что где-то в основании моего разума тоже открывается дверь. И из-за неё доносится тихий, настойчивый шёпот, призывающий меня просто остановиться. Перестать думать. Перестать слышать.

Замолчать.

Я встал с койки и подошёл к окну фургона. Снаружи было темно — ни луны, ни звёзд, только всё та же белёсая пелена, сквозь которую не пробивалось ни единого проблеска. Где-то на маяке тикал механизм, поддерживающий последнюю защиту этого проклятого места. Где-то в церкви Марта Кори, возможно, всё ещё молилась своему безмолвному богу. А где-то в двух милях к востоку, под скалой, в пещере, полной костей и чёрного минерала, нечто ждало.

И слушало.

Глава 3. Хранители шума

Остаток дня после нашего возвращения из пещеры прошёл в тягостном, выматывающем бездействии. Леонард сидел в углу фургона, завернувшись в плед, и почти не разговаривал; его глаза, всё ещё сохранявшие тот странный, мечтательный блеск, были устремлены в одну точку на потолке, а губы время от времени беззвучно шевелились, словно он продолжал беседу с кем-то невидимым. Один раз я попытался заговорить с ним — спросил, не хочет ли он чаю, — но он лишь медленно перевёл на меня взгляд, улыбнулся отсутствующей улыбкой и едва заметно покачал головой.

— Он всё ещё там, — произнёс я вполголоса, обращаясь к Элиноর.

— Где — там? — Она не отрывалась от своего занятия.

— В пещере. Мыслями. А может, и не только мыслями.

Элинор, напротив, была непривычно молчалива и деятельна: она разбирала и чистила альпинистское снаряжение, хотя в этом не было нужды, и каждый резкий щелчок карабина, который обычно потонул бы в фоновом шуме, здесь разносился по всему фургону с неприятной, металлической отчётливостью. Я заметил, что её пальцы слегка дрожат — она пыталась скрыть это за быстрыми, рваными движениями.

— Вы в порядке? — спросил я, когда она уронила карабин в третий раз за пять минут.

— В полном. — Она подняла карабин и принялась протирать его ветошью с такой яростью, словно хотела стереть с металла что-то невидимое. — Просто не люблю сидеть без дела. И не люблю, когда то, что я считала галлюцинацией, оказывается реальностью. Вы знаете, сколько я потратила на психотерапевтов? Четыре года. Четыре года я платила людям, которые убеждали меня, что шёпот в Карлсбаде — это плод моего воображения, результат кислородного голодания и посттравматического стресса. И я им верила. Почти.

— А теперь?

— А теперь, — она швырнула ветошь на стол, — теперь я знаю, что мой психотерапевт ошибался. И это не радует.

Я попытался привести записи в порядок. Исписанные мелким почерком страницы блокнота пестрели графиками инфразвуковых колебаний, схемами пещерного комплекса и торопливыми пометками о чёрном минерале. Но чем дольше я вглядывался в собственные записи,

тем сильнее крепло во мне ощущение, что вся наша методология, весь аппарат современной акустики, были здесь бесполезны — как песочные часы перед лицом океанского прилива. Мы измеряли следствия, но понятия не имели о причине.

— Расскажите мне о Карлсбаде, — попросил я, не оборачиваясь. — Если можете.

Элино́р долго молчала. Я уже решил, что она не ответит, когда она вдруг заговорила — тихим, бесцветным голосом, лишённым её обычной резкости.

— Мы исследовали новый рукав. Глубокий, никем не картографированный. Шестеро. Я, мой руководитель, двое аспирантов и два техника. Обвал произошёл в три часа дня по местному времени. Мы оказались замурованы в полости размером с эту комнату. Запас воздуха — на трое суток, если дышать экономно. Связи с поверхностью не было. Света не было. Звuka не было — только стук собственного сердца и шёпот.

— Шёпот?

— Да. Сначала я думала, что это кто-то из моих коллег. Но они все были без сознания — или уже мертвы. А шёпот продолжался. Он шёл из стен. Из камня. Он говорил мне... — она запнулась. — Он говорил, что если я перестану дышать, всё закончится. Что боль уйдёт. Что я стану частью чего-то большего. И я... я почти сделала это.

— Почему не сделали?

Она подняла на меня глаза, и в них была странная смесь стыда и вызова.

— Потому что испугалась. Не смерти. А того, что шёпот был прав. Что там, за гранью, действительно нет ничего, кроме тишины. И что эта тишина — не конец, а только начало чего-то, чего я не могу понять.

Я не знал, что ответить. Наши взгляды встретились, и в этот момент я почувствовал нечто неожиданное — родство. Мы оба были людьми, которые заглянули в бездну и отшатнулись от неё, но она продолжала звать нас. Его — шёпотом в каменной утробе. Меня — криком, который до сих пор звучал в моей памяти.

Ближе к вечеру я решил на то, что откладывал с момента нашего прибытия: нанести визит Сайласу Маршу. Если кто-то и знал природу здешней тишины, то это был старый смотритель с его туманными предостережениями и глазами, полными древнего, невысказанного знания. Я оставил Леонарда под присмотром Элино́р, накинул плащ — с моря тянуло промозглой сыростью — и направился к маяку по узкой тропе, выходящей вдоль скалистого берега.

— Не ходите один, — сказала Элино́р, когда я уже взялся за ручку двери.

— Почему?

— Потому что здесь нет ничего хорошего. И потому что ваш аспирант ушёл в пещеру с ясным рассудком, а вернулся с этим. — Она кивнула в сторону Леонарда. — Я не хочу, чтобы то же самое случилось с вами.

— Со мной этого не случится, — ответил я, хотя сам не был в этом уверен. — Я слишком стар для шёпота.

— Возраст здесь ни при чём, — бросила она мне вслед. — Шёпот находит слабое место. У каждого своё.

Маяк Кинросс-Пойнт вырастал из тумана постепенно, как поднимающийся со дна обелиск. Его серый гранитный ствол, источенный десятилетиями штормов, выглядел одновременно величественно и удручающе. Вращающийся фонарь ещё не был зажжён — до сумерек оставалось около часа, — но сам механизм работал, и я слышал его монотонное, размеренное тиканье, напоминавшее ход гигантских часов. Тиканье, которое, как я позже понял, было единственным звуком во всей округе, не подчинявшимся здешней всепоглощающей тишине.

По пути мне попался колодец — тот самый старый колодец на задворках, о котором я пока ещё ничего не знал. Он был накрыт деревянным щитом с вырезанным на нём символом уха, перечёркнутого спиралью, и от него веяло тем же холодом, что и от пещеры. Я обошёл его стороной, но запомнил. В Иерихон-Бэй ничто не существовало просто так.

Сайлас встретил меня у подножия башни. Он сидел на перевёрнутом деревянном ящике и методично затачивал старый, иззубренный гарпун, чьё древко было покрыто выпцветшими, едва различимыми символами. Рядом стояла жестянка с машинным маслом и лежала груда промасленной ветоши. При моём приближении он не поднял головы, лишь рука его на мгновение замерла, а затем продолжила своё монотонное занятие. Точильный камень двигался вдоль лезвия с равномерным, успокаивающим звуком — единственным нормальным звуком из всех, что я слышал за последние дни.

— Ну что, профессор, — произнёс он, и его скрипучий голос был полон мрачного удовлетворения, — нашли, что искали? В пещере-то?

— Вы знали, — ответил я, стараясь сдержать раздражение. — Знали с самого начала. И ничего нам не сказали.

— Я сказал достаточно. — Он наконец поднял глаза, и в их бесцветной глубине мелькнуло что-то похожее на насмешку. — Я сказал, что тишина слушает. Ваш аспирант — он ведь слышал, верно? Услышал то, что под землёй. Я по глазам вашим вижу. У него теперь взгляд такой же, как у Марты, когда она из подвала выходит после ритуала. Остекленевший. Счастливый.

Я не ответил, но молчание моё было красноречивее слов. Сайлас удовлетворённо кивнул и отложил гарпун. Его длинные, узловатые пальцы, напоминавшие корни старого дерева, сплелись в замок. Суставы хрустнули.

— Садитесь, профессор. В ногах правды нет, а разговор будет долгий. Я вас предупреждал — вы не послушали. Теперь слушайте то, что должен рассказать, пока не стемнело. Потому что после заката разговоры здесь... не приветствуются.

Я опустил на соседний камень и приготовился слушать. Ветер, и без того слабый, стих совершенно, и тишина вокруг сделалась почти осязаемой — такой плотной, что, казалось, её можно коснуться рукой. Где-то вдалеке, над морем, кружили чайки, но их криков не было слышно.

— Давно это было, — начал Сайлас, глядя не на меня, а куда-то в серую пустоту над морем. — Ещё до моего прадеда. До войны за Независимость, до первых колонистов, до всего. Люди тогда в море ходили не с эхолотами, а с лотом и молитвой. И молитва та была не Господу Богу, нет. Её читали Тому, кто под водой спит. Астраг-Зотом его звали. Певец в Пустоте.

Слово прозвучало странно — чуждо, незнакомо, но при этом вызывающе архаично, словно отголосок языка, умершего тысячелетия назад. У меня возникло безотчётное желание немедленно записать его, зафиксировать, подвергнуть этимологическому анализу, но я сдержался и продолжил слушать.

— Древние верили, что мир стоит на звуке. На вибрации. Каждая тварь, каждая былинка, каждая волна — всё поёт, всё звенит, и этот звон, он для Него — как нож по стеклу. Астраг-Зот спит, но сон его чуткий. И чем тише становится вокруг, тем ближе он к пробуждению. Понимаете, профессор? Не шум его будит. Тишина. Когда вокруг слишком тихо — он начинает просыпаться и слушать. А когда просыпается — забирает тех, кто шумит. Успокаивает.

Сайлас помолчал, покосился на меня и вдруг усмехнулся — невесело, с оттенком горечи. Он взял гарпун, повертел в руках и отложил в сторону.

— Вы, учёные, думаете, что прогресс — это благо. Тихие моторы, бесшумные винты, звукоизоляция... Каждое ваше изобретение, каждая машина, которая работает тише предыдущей, — это ещё один шаг к тому, чтобы Он проснулся. Мой дед ещё пароходы за милю слышал — они ревели, как раненные киты. А теперь ваши суда скользят, как тени. Вот он и ворочается. Вот он и слушает. Мы тут не просто так живём, профессор. Мы — стража.

— Стража? — переспросил я, чувствуя, как внутри нарастает смутное, иррациональное беспокойство. — Что именно вы охраняете?

— Колокол, — ответил он просто. — Тот, что на площади. Он звонит уже двести лет без остановки. Днём и ночью, в шторм и в штиль. Это не молитва и не призыв к службе. Это оружие. Акустический барьер. Белый шум, который мешает Ему слушать. Пока колокол звонит — Он спит. Не слышит нас. Наши голоса, наши лодки, наши мысли. А если колокол замолчит...

— Что тогда?

— Тогда Он услышит всё. Каждое слово. Каждый вздох. Каждый удар сердца. И тогда Саван опустится.

— Саван?

— Саван Тишины. — Он поднялся, опираясь на гарпун, и жестом пригласил меня следовать за ним. Мы обогнули маяк и вышли к обрыву, откуда открывался вид на весь Иерихон-Бэй. Отсюда, с высоты, посёлок казался ещё более жалким и заброшенным — кучка покосившихся крыш, сгрудившихся вокруг тёмного провала площади, над которой возвышался силуэт церкви. Церковь эта, как я заметил ещё в день приезда, была лишена креста, а колокольня её выглядела непропорционально массивной, словно спроектированной не для звона, а для какой-то иной, утилитарной цели.

— Каждые четыре часа я поднимаюсь на колокольню, — продолжал Сайлас, протягивая руку к башне. — Проверяю механизм. Подтягиваю цепи. Смазываю шестерни. Мой отец делал это до меня, а его отец — до него. Если колокол остановится... — Он не договорил, но его взгляд, устремлённый на море, стал тяжёлым и мрачным. — Вы видели, что в пещере. Кости. Спирали. Это те, кого Он уже забрал. Представьте, что это — везде. Весь мир — как та пещера. Тишина. И кости.

Я хотел возразить, хотел сказать, что всё это — средневековое суеверие, облачённое в форму местного фольклора, но слова застряли в горле. В конце концов, я своими глазами видел спираль из костей. Своими ушами слышал ритмичный инфразвук. Своими руками касался чёрного минерала, который не отражал ни свет, ни звук. Моя наука давала сбой, и это пугало меня больше всего.

— Почему вы не уедете? — спросил я. — Если всё так плохо — почему вы остаётесь?

Сайлас долго молчал, и я уже решил, что он не ответит.

— Потому что кто-то должен, — произнёс он наконец. — Марши всегда были смотрителями. Всегда держали маяк. Если мы уйдём — кто будет следить за колоколом? Кто будет смазывать механизм? Военные ваши? — Он фыркнул. — Они сюда даже не суются. У них карты с грифом «секретно», а на этих картах Иерихон-Бэй обозначен как «зона непригодности». Они знают, что здесь что-то не так. Просто не хотят знать, что именно.

— Кто ещё знает об этом? — спросил я наконец. — Кроме вас?

— Марта Кори, — ответил смотритель, и в его голосе послышалась нотка отвращения. — Старуха из церкви. И ещё несколько стариков из тех, что остались. Раньше вся деревня знала, но потом люди начали уезжать. Боялись. А те, кто остался... — Он замолчал и сплюнул в пропасть. — Марта — она не такая, как я. Я хочу, чтобы Он спал. А она хочет, чтобы Он проснулся. Говорит, что это благословение. Что Тишина — это дар. Я её не понимаю. И боялся, что однажды она попытается остановить колокол.

— И вы думаете, она на это способна?

— Я думаю, — медленно произнёс Сайлас, — что она ждала этого всю свою жизнь. И что вы, профессор, со своими приборами и микрофонами, — именно то, чего она ждала. Вы — знак. Вы — доказательство, что мир снаружи стал слишком тихим. Что Саван близок.

Он отступил на шаг, давая понять, что разговор окончен. Я поблагодарил его и направился обратно в посёлок, чувствуя, как в висках нарастает тупая, пульсирующая боль — та самая, что всегда предвещала у меня приступы мигрени, но теперь казалась отзвуком чего-то иного, чего-то, что шло не изнутри, а снаружи.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.